Литература:

1 Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе / О.И. Бахур [и др.]; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск: Белпринт, 2015. – 276 с.

2 Саркисова, Э. А. Уголовная ответственность : содержание, цели, принципы в контексте современных тенденций уголовной политики / Э. А. Саркисова // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. научных трудов / М-во внутр.дел Респ. Беларусь, УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол. : А. Л. Савенок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2012. – С. 101–111.

3. Саркисова, Э. Уголовная ответственность в контексте законодательной регламентации / Э. Саркисова // Теоретические и практические проблемы юридической ответственности / А.Ф. Вишневский [и др.] ; под ред. В. А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2014. – С. 190–203.

УДК 343.9

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНОГЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В.П. Шарикова,

кандидат юридических наук,

Полоцкий государственный университет

Осуществление эффективного предупредительного воздействия на индивидуальном уровне предполагает предметное представление о структуре и природе личностных деформаций, определяющих возникновение и развитие криминальных мотивов. Исследование личности ставит перед криминологами целый ряд вопросов, ответы на которые требуют самостоятельного глубокого научного поиска, а также выбора конкретной парадигмы понимания природы личности. Изучение данных вопросов в криминологии обладает перманентной актуальностью и непреходящим значением, поскольку именно личность находится в центре индивидуального уровня детерминации и практическая реализация мер ранней индивидуальной профилактики в качестве необходимого условия предполагает установления закономерностей возникновения и утверждения криминальных мотивов в личности как непосредственно переживаемых ею причин совершения преступлений. Это обуславливает важность разработки методологических начал исследования проблематики криминогенности личности.

Как представляется, наиболее продуктивным рассмотрение вопроса о криминогенности личности будет в рамках парадигмы, предполагающей наличие у лица свободы воли, как возможности формировать автономное поведение. Поскольку именно при условии наличия свободы самоопределения, как личностного начала, мы можем говорить о том, что имеет место вина преступника в совершенном деянии, и, соответственно, вести речь о возможном познании предпосылок, приведших к такому состоянию личности, при котором возникающая криминогенность является не просто продуктом внутриличностных процессов, а результатом его вполне самостоятельного выбора, автономного решения.

Рассмотрение криминогенности наиболее корректно осуществлять в контексте ценностных ориентаций личности. В противном случае утрачивается методологическая основа познания поступков как результата целесообразной психической деятельности, поскольку именно ценности составляют смыслообразующее ядро, вокруг которого происходит формирование поведения человеком. Под ценностной ориентацией, как правило, понимается: «<...> своеобразное для каждого лица оценивание предметов и явлений окружающего мира с точки зрения их ценности, необходимости для этого лица» [1, с. 244]. Ценности являются результатом свободного самоопределения личности, сосредоточением её духовной сферы, сфера ценностей – это сфера смыслов, которая имея надличностное значение, наиболее полно реализуется именно в поведении человека [2, с. 177].

Собственно, такова методология познания психических процессов личности, представленная в русской философской традиции, в частности, в работах Н.О. Лосского и С.А. Левицкого, не утратившая своей востребованности по настоящее время [3; 4].

Включение ценностных ориентаций в структуру личности представляет собой сложный процесс, сопряженный и с социализацией и с воспитанием. Дефекты социализации и воспитания способны привести к определенным деформациям ценностной сферы. Свое последовательное обоснование это нашло в теории дифференцированной ассоциации Э. Сатерленда.

Подобные деформации и порождают криминогенность личности. Криминогенность – это не просто потенциальная способность совершить преступление. Криминогенность – это наличие определенных состояний, актуализировавших рассмотрение лицом преступления как возможного (то есть предполагаемого в качестве допустимого) варианта поведения. Другими словами, под криминогенностью следует понимать не гипотетическую, а вполне реальную, подкрепленную конкретными психическими установками, способность совершить преступление, для

которой внешние обстоятельства – только повод для её реализации. И в основании возникновения такой психической установки лежат определенного рода деформации ценностной сферы личности.

Очевидно, что применительно к преступному поведению мы говорим о возникновении деформаций ценностного отношения к праву, о деформации правосознания. Речь идет о девальвации ценности права, но какова суть этих девальвационных процессов. Для того, чтобы их предметно увидеть, следует обратиться к сущности права, к его смысловому содержанию. Последнее можно выразить следующим образом: право – это зафиксированный опыт солидаризации интересов свободных личностей. Зачастую, говоря о праве речь идет об отрицательной свободе волеизъявления личности, то есть о свободе от внешнего её ограничения, ущемления, но для криминологов, особенно в XXI веке стало очевидно, что не менее значимыми, с точки зрения личности, являются и вопросы так называемой положительной свободы, то есть поиск достойных целей приложения волевого начала. Сегодня качественные характеристики преступности красноречиво говорят о том, что стихийные состояния неподконтрольные личности, находя свое конкретное выражение в разного рода аддикциях, способствуют воспроизводству преступности, в частности, в её наиболее организованных формах (например, наркобизнес, торговля людьми).

Проблемы с реализацией собственной положительной свободы, выражаясь языком психоанализа, её сублимацией, во многом способны детерминировать криминогенность личности. Не имея достойных целей свободного приложения волевого начала, личность не воспринимает в качестве ценного обеспечения свободы как таковой, не видит её ценность как ядерного содержания других людей, в силу чего и возможно возникновение деформированного представления о значении их автономного (свободного) поведения и о необходимости существования особого механизма обеспечения этой автономии – правового механизма, законодательного регулирования социального взаимодействия.

Представляется, что описанный здесь схематично механизм реализации положительной свободы личности в случае дисфункции имеет своим следствием девальвацию ценности права и возникновение криминогенных установок.

Дальнейшая разработка методологических начал исследования криминогенности личности позволит более предметно осуществлять научный поиск причин и условий преступного поведения, что будет способствовать выработке эффективных направлений ранней профилактики преступности.

Литература:

1. Закалюк, А. П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика : у 3 кн. / А. П. Закалюк. – К. : Видав. Дім «Ін Юре», 2007 ; Кн. 1: теоретичні засади та історія української кримінологічної науки. – 2007. – 424 с.
2. Гнатенко, Е.А. Проблемы изучения личности преступника в отечественной криминологической науке / Е. А. Гнатенко // Соціологія в ситуації соціальних невизначеностей : тези доп. учасників I Конгресу Соціол. асоціації України. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – 476 с.
3. Левицкий, С. А. Трагедия свободы: избранные произведения / С.А. Левицкий ; вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – 992 с.
4. Лосский, Н. О. Свобода воли / Н.О. Лосский. – Париж: YMCA PRESS, 1927. – 181 с.

УДК 343.232

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ», «ПРОСТУПОК» И «НАРУШЕНИЕ»

Ю. Л. Шевцов,

*Белорусский государственный университет,
кандидат юридических наук, доцент*

1. Уголовное законодательство ряда стран при классификации преступных деяний устанавливает правовые понятия «уголовное правонарушение», «преступление», «проступок». Такая правовая традиция существует достаточно давно и предусмотрена в уголовных кодексах ряда европейских стран и в США. В уголовных кодексах Испании 1995 г., Италии 1930 г., Польши 1997 г., ФРГ 1871 г., Швейцарии 1937 г. и др. предусмотрена классификация уголовных правонарушений на преступления и проступки. Из постсоветских стран такая классификация предусмотрена лишь в УК Республики Казахстан 2014 г. (ст. 10), УК Латвийской Республики 1998 г. (ст.7) и УК Литовской Республики 2000 г. (ст.7).
2. С точки зрения юридической техники наблюдаются существенные различия в парадигме и принципах классификации преступных деяний в уголовном законодательстве. В одном варианте классификации все преступные деяния в качестве родового понятия охватываются единым понятием «преступление», а затем классифицируются на категории по степени тяжести. При другом подходе базовым является поня-